

И. В. Петров

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИКАХ В 1945—1953 гг.

Статья посвящена репрессиям против представителей православного клира на территории Латвии, Литвы и Эстонии в послевоенный период. Вопреки расхожему мнению, после мая 1945 г. в общий новый виток репрессий на территории всех трех балтийских республик попали православные священники и активные миряне. Если в 1940—1941 гг. были арестованы представители священства, ранее участвовавшие, в том числе как военные, в гражданской войне в России и в освободительных войнах в самих странах Балтии, военные священники, а также активные представители политических и военных организаций межвоенных республик, в 1945—1953 гг. были арестованы члены Экзаршего управления и Псковской миссии, действовавших в период нацистской оккупации; те, кто обвинялся в критике коллективизации и депортаций местного зажиточного населения и др. Большинство арестованных были известными и популярными пастырями, ревностно выполнявшими собственный пастырский долг.

Ключевые слова: *Балтия, репрессии, апогей сталинизма, Латвия, Литва, Эстония, Псковская миссия, Православная Церковь, Прибалтийский Экзархат.*

Окончание II Мировой войны и возвращение к мирной жизни в 1945 г. для республик Балтии стал периодом второй советизации. Так называемый «первый советский год» (1940 — середина 1941 г.) закончился депортациями 14—15 июня 1941 г.; в состав депортированных вошли и представители православного клира. В первую очередь высылкам и арестам подвергались священнослужители — противники советской власти, участники военных конфликтов (воевавшие на стороне антибольшевистских сил) как в России, так и в Латвии, Литве и Эстонии, военные священники, члены Синода, ближнее окружение политического и церковного руководства. Эти репрессии носили точечный характер: советские власти смогли выявить и арестовать наиболее опасных, с их точки зрения, духовных лиц, ранее действительно отрицательно относившихся к советской власти. По своим политическим взглядам эти люди представляли всю политическую палитру межвоенных балтийских государств. Так, в Латвии был репрессирован диакон рижской Свято-Покровской церкви Иоанн Гонестов, бывший писарь в Северо-Западной Белой армии Н. Н. Юденича. Его обвинили в том, что он «участвовал в расстрелах местных жителей-коммунистов, затем поступил в военно-фа-

шистскую организацию айзсаргов (латыш. «защитники»). Гонестов вел себя возмутительно по отношению к местному населению. В настоящее время к сов. власти настроен враждебно»¹. Его дочь, пережившая высылку и помнившая все страдания, которые испытала их семья в Сибири, вспоминала, как видела своего отца в последний раз в соседнем пересыльном вагоне 14 июня 1941 г. (он был расстрелян в апреле 1942 г.)². В Эстонии был репрессирован священник Николай Лейсман, воевавший в рядах Эстонской армии в период Освободительной войны 1918—1920-х гг. на Нарвском фронте, в межвоенный период он состоял в правых политических организациях, а с приходом советской власти стал помогать местному ветерану вооруженных сил со сбором оружия, а также сведений о расположении частей красной армии в республике. 12 марта 1942 г. этот эстонский священник был заключен в ИТЛ сроком на 10 лет, а 19 мая 1943 г. скончался «в местах лишения свободы» в Свердловской области³. В Литве следует привести показательный пример военного священника Стефана Семенова. Он принимал участие в Белой борьбе на Юге России, после чего эмигрировал с отступающими антибольшевистскими частями на территорию Польши, в Вильно, где служил псаломщиком. Позже Семенов был рукоположен в иереи и стал настоятелем Александроневской церкви в Ужусалей, а с 1924 г. отец Стефан был избран в состав Литовского епархиального совета. В середине 1930-х гг. пастьрь стал военным священником Литовской армии. После начала советизации Литвы институт военного духовенства был упразднен и Семенову пришлось вернуться на родной приход, что не спасло его, однако, от ареста. 2 января 1943 г. бывший военный священник Литовской армии Особым совещанием при НКВД СССР был осужден по статье 58-13 УК на 10 лет исправительно-трудовых лагерей из-за содействия «сметановской охранке» (Антанас Сметона был президентом Литовской Республики в 1926—1940 гг. и проводил жесткий курс по отношению к коммунистам и их сторонникам в Литве)⁴.

¹ Latvijas nacionālais arhīvs (LNA). F. 1986. Apr. 2.1. P-6553. L. 2.

² Интервью с Людмилой Ивановной Гонестовой 13 декабря 2016 г. в Санкт-Петербурге.

³ Rahvusarhiv. ERAF. 130SM.1.7080. L. 8—15.

⁴ Lietuvos upatingasis archyvas. LYA. FK-1. Ap. 58. B. P-13752. L. 19—35.

В период нацистской оккупации на территории Балтии был образован рейхскомиссариат «Остланд», в котором большинство православных приходов относилось к юрисдикции экзарха Прибалтики, митрополита Литовского и Виленского Сергия (Воскресенского), сторонника сохранения единства с Московской Патриархией при недвусмысленном антисоветском политическом курсе. В апреле 1944 г. владыка Сергий был убит неизвестными, а многие представители православного пастырства, сослужившие с ним в условиях оккупации, отправились на Запад. Однако на территории Балтии осталось значительное число священников, которые входили в число духовенства Прибалтийского Экзархата, а также духовные лица из ранее оккупированных российских территорий. Для последних еще при жизни митрополита Сергия были образованы специальные Внутренние миссии в Латвии и Литве.

Советские власти еще с 1944 г. особое внимание стали уделять пастырям, которые участвовали в религиозном возрождении на российской территории. В первую очередь репрессиям подверглись члены образованной экзархом Прибалтики в августе 1941 г. Псковской миссии, которая вплоть до начала 1944 г. открывала приходы на Северо-западе России. Наибольший интерес для советских органов представляли руководители миссии: ее глава протоиерей Кирилл Зайц, главный редактор выпускаемого миссией журнала «Православный христианин» протоиерей Николай Трубецкой, протоиереи Константин Шаховской, Николай Жунда, Ливерий Воронов, Николай Шенрок, а также внушительное число входящих в миссию рядовых священников и псаломщиков⁵.

Представители «автокефального» духовенства, то есть противники сохранения церковного единства с Москвой, покинули пределы Балтии. В первую очередь здесь следует сказать об их лидерах: ушедшем в начале 1941 г. на покой митрополите Рижском и Латвийском Августине (Петерсонсе), который безуспешно в годы войны пытался восстановить собственную власть, а также о митрополите Таллиннском и Эстонском Александре (Паулусе), который, наоборот, оставил в своем подчинении большинство приходов Эстонии,

⁵ Голиков А., свящ., Фомин С. Кровью убежденные мученики и исповедники Северо-запада России и Прибалтики (1940–1955). М., 1999.

за исключением районов Нарвы и Печер. Последний организовал собственную эмигрантскую церковную структуру в подчинении Константинопольского Патриархата с центром в Стокгольме. На рубеже 1940—1950-х гг. митрополит Александр выпускал критические статьи, в которых драматизировал процесс воссоединения православных приходов Эстонии с церковными властями в Москве в «первый советский год»⁶.

В период с 1945 г. по 1949 г. были арестованы лишь некоторые православные пастыри, ранее входившие в состав Псковской миссии (к примеру, отец Роман Берзиньш). Настоящий пик гонений наступил на рубеже 1949—1951 гг. В республиках Балтии были проведены масштабная коллективизация и депортация семей зажиточного крестьянства, в том числе православного по своему вероисповеданию. Арестованных в этот период, после анализа следственных дел из архивов Латвии, Литвы и Эстонии, можно поделить на пять групп.

К первой группе относятся православные священники — представители титульных наций, которые были обвинены в поддержке национального повстанческого движения, укрывательстве лиц, скрывавшихся от советской власти и подлежащих депортации. К ней можно отнести священника Владимира Янсонса в Латвии, который в межвоенное и военное время преподавал Закон Божий, непродолжительное время работал в Экзаршем управлении как гражданское лицо и укрывал у себя священника Иакова Легкого и псаломщика Петериса Янсонса⁷.

Ко второй группе можно отнести священников, которые не принимали активного участия в пропагандистских кампаниях нацистов или же участвовали в управлении православными приходами в межвоенный период, а пострадали в связи с доносами своих «собратьев в рясах» за неосторожные высказывания идеологического характера. К примеру, архимандрит Евстафий (Андрейчук) был

⁶ *Alexander (Paulus)*. The Truth about Archbishop Sergius. An NKVD Undermining Estonian Church Life (1943/1950) // Palli M. H., Papatomas G. D. The Autonomous Orthodox Church of Estonia. L'Eglise autonome orthodoxe d' Estonie. Approche historique et nomocanonique. Thessaloniki: Editions Pektasis, 2002. P. 186—195.

⁷ LNA. F. 1986. Apr. 2.l. P. 10419-L. L. 79—80-app.

обвинен в ведении антисоветской пропаганды, служении панихиды по погибшим в Сталинграде в 1943 г. немецким солдатам в Свято-Духовом монастыре Вильнюса, хранении антисоветской литературы (в том числе работ философа Николая Бердяева), а также надежды на грядущую войну между СССР и США, итогом которой станет независимость Украины и конец коммунистического режима в России⁸.

К третьей группе относятся члены Прибалтийского Экзархата и Псковской миссии, уцелевшие после витка репрессий 1944–1946 гг. и попавшие под подозрение в 1949–1951 гг. Часть их участвовала в мероприятиях, проводимых русскими или латвийскими коллаборационистами, печаталась в оккупационной прессе, родственники некоторых воевали на стороне нацистов, среди группы были потомки репрессированного духовенства. К числу их относились представители известного латвийского священнического рода Трубецких⁹, родственник участников Вооруженных сил КОНР отец Василий Мельников и многие другие¹⁰.

К четвертой группе можно отнести гражданских лиц, которые входили в Экзаршее управление, были близки к митрополитам Иоанну (Поммеру), Августину (Петерсонсу), Александру (Паулусу), Сергию (Воскресенскому). Так, в Латвии был арестован архитектор Владимир Шервинский, который и в довоенной Латвии, и в годы немецкого владычества активно способствовал процветанию храмо-строительства в Балтии и на Северо-западе России.

Наконец, к пятой группе можно отнести представителей духовенства, которые оказались за колючей проволокой еще за довоенные «грехи» и в военное время, однако не проживали в войну на территории Балтии. Так, выпускник Варшавского университета Федор Ракецкий служил в годы немецкой оккупации под Варшавой и в Вильнюсе оказался уже после войны. Он был уличен в критике советской власти и проводимой ею в Литве политики, «буржуазном национализме», службе капеланном в Польской армии, надежде на успех политики Гарри Трумэна по сдерживанию коммунизма в мире

⁸ ЛУА. ФК-1. Ар. 58. В. Р-11894. L. 31–51.

⁹ Интервью с Д. И. Трубецким от 20 октября 2019 г. // Архив автора.

¹⁰ Голиков А., свящ., Фомин С. Кровью убежденные... С. 164–220.

(на примере Литвы этот процесс хорошо описала доктор Регина Лаукайтите¹¹)¹².

В итоге можно сделать вывод, что полномасштабный процесс репрессивной политики против православного духовенства обрушился на балтийские республики после окончания войны. В 1949—1951 гг. арестовали большинство представителей православного духовенства, так или иначе участвовавших ранее в антисоветской пропаганде. Абсолютное большинство обвинений было надуманным, как и в 1920—1930-е гг. на всей остальной территории Советского Союза. Данные события были своеобразной прелюдией к «хрущевским гонениям».

Сведения об авторе. Петров Иван Васильевич — кандидат исторических наук, ассистент кафедры Новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург). *E-mail: ivanpet1990@hotmail.ru; i.petrov@spbu.ru.*

¹¹ *Лаукайтите Р.* Репрессии против духовенства Литовской епархии в период сталинизма // Православие в Балтии. 2018. № 8 (17). С. 149—162.

¹² ЛУА. FK-1. Ар. 58. В. Р-11894. L. 15—17.